

Поначалу Чэнь Дун ещё немного огорчился, что детишек, записавшихся к нему в команду, оказалось меньше, чем у Хань Сюня, но по мере того, как занятие шло дальше, начал осознавать все прелести малочисленности!

Те, кто выбрал его, в большинстве своём были послушными и смирными — сплошь сестрички Рисинки да такие же пай-детки, как она сама. А вот у Хань Сюня — почти одни скачущие туда-сюда мартышки: то чашку разобьют, то воду разольют, и Чай Цзюнь со шваброй наперевес носился тушить пожары и измотался до полусмерти.

— Дядя Чэнь, у нас опять не получилось, — раздался рядом обиженный голосок.

Окликнула его маленькая девочка с розовым ободком на голове. Чэнь Дун разделил свою группу по четыре человека за стол, и они по очереди тренировались делать латте-арт. Пока один тренировался, остальные трое наблюдали и учились, извлекая опыт из чужих неудач. К тому же так экономились материалы — горячее какао и молоко ведь тоже денег стоят.

Чэнь Дун опустил взгляд на чашку в её руках. Горячее какао и молоко слились в тёмно-коричневый цвет, на сладком ароматном какао-молоке всплывал слой пены, но почти вся она уже растворилась в молоке, и нарисовать узор было трудно.

Он с одного взгляда увидел, в чём проблема:

— Ты слишком медленно льёшь молоко, и молочная пена полностью смешивается с какао, не всплывает. Излишняя осторожность, наоборот, упускает момент. В следующий раз лей посмелее. Конечно, и не слишком смело: продвигайся вперёд устойчиво.

Под его руководством девочка с розовым ободком попробовала ещё раз, на этот раз смело ускорила — и правда, как он и говорил, молочная пена устойчиво всплыла на поверхность чашки, явив смутный силуэт сердечка!

— Получилось?!

— Правда получилось!!

— Дядя Чэнь, посмотрите на нашу группу, на нашу группу!

— А почему у нас не получается, мы же быстро льём молоко!

Увидев успех первой группы, детишки из остальных тоже загорелись духом соперничества и, гомоня, обступили Чэнь Дуна, требуя, чтобы он позанимался и с ними. В мгновение ока он стал нарасхват, совсем не успевал.

И обращение к нему сменилось с прежнего «дядя Чэнь» на сладкое «дядюшка Дун-Дун» — это звучало невесть насколько приятнее, чем «тиран из кофейни».

Чэнь Дун совершенно растворился в этих «дядюшка Дун-Дун»: лицом напускал притворную сдержанность и невозмутимость, а на деле так радовался, что уровень сахара в крови подскочил.

Он вдруг вспомнил те хитовые романы, которые изучал когда-то, отважно ринувшись писать на некой зелёной платформе сетевой литературы...

— Если бы описать мой опыт романом для Люйцзяна¹, название должно было бы звучать так: „Меня все ненавидели, но после перерождения полюбили как белый лунный свет “.

1. замена Цзиньцзян, jjwxsc.net

Услышав это бормотание, обожающий выставять оценки Е Синью тут же заявил:

— Отлично. Как допишешь свой шедевр, я непременно поставлю тебе четыре звезды.

— А? Всего четыре звезды? — недовольно протянул Чэнь Дун. — При наших-то отношениях надо бы поставить пять.

— Извини, у меня лимит пятизвёздочных оценок исчерпан, на Люйцзяне могу поставить только четыре.

Чэнь Дун: «..... Эх, до чего обидно.»

Они поделили работу: сам он учил детишек латте-арту, а Е Синью готовил молочную пену и горячее какао. Слаженности им было не занимать, и они так задобрили шестнадцать ребятишек, что те были радёшеньки. Меньше чем за час все в общих чертах овладели техникой сердечка. Хоть у кого-то оно вышло чётким, у кого-то размытым, а у кого-то и вовсе треугольником... Но в общем-то получилось у всех!

Самой смыслёной оказалась Рисинка. Она опережала всех на шаг, не только научилась рисовать сердечко, но и принялась бросать вызов листочку!

Е Синью на ходу заснял несколько роликов о том, как Чэнь Дун учит детишек латте-арту, и заодно скинул их в родительский чат.

На видео Чэнь Дун говорил мягким тоном, был полон терпения, детишки тоже внимательно слушали его объяснения — всё дышало гармонией, дружелюбием и общим благодушием.

Но стоило отправить видео, как в родительском чате запиликали уведомления.

[@Папа Цзыханя: Учитель, а почему я не вижу моего Цзыханя?]

[@Папа Цзыханя: Столько фотографий нащёлкали, а Цзыханя ни одной.]

[@Папа Цзыханя: Учитель уж слишком пристрастен!]

Е Синью: «.....»

Глаза у него закатились чуть ли не под небеса. На работе он терпеть не мог, когда коллеги выдвигали требования, а тут, оказывается, и после работы приходилось с этим сталкиваться.

Чэнь Дун тоже увидел переписку и спросил учительницу Сяо Гао:

— Цзыхань — это который из детишек?

Та с растерянным лицом переспросила:

— Это который из: Цзыхань(□□), Цзыхань(□□), Цзыхань(□□), Цзыхань(□□), Цзыхань(□□)?

— — Чэнь Дун показал ей переписку. — Вот этот Цзыхань(□□).

Сяо Гао, едва взглянув в чат, чуть голову не потеряла:

— Ой-ёй, учитель Чэнь, ну как же вы могли вот так прямо выложить фотографии и видео в чат?! Эти материалы надо строго рассчитывать по раг'ам, прежде чем отправлять, иначе у одних детишек кадров много, у других мало, и родители устроят скандал.

Только тут Чэнь Дун узнал, что, оказывается, при отправке нескольких фотографий нужно учитывать столько всего — обязательно держать чашу ровно, чтобы всем поровну.

— Если так посмотреть, быть учителем младших классов и впрямь нелегко, — вздохнул он.

— Поначалу и правда всё валится из рук, но, к счастью, у меня раньше был опыт фанатства, — поведала ему Сяо Гао. — Я фанатела по одному айдол-бойз-бэнду, и каждый раз, как выходила новая песня, чтобы поделить строчки между участниками, надо было составлять таблицу и высчитывать секунды, а в клипе так и вовсе кадр за кадром пересчитывать, у кого сколько появлений. Фанатов тех участников, у кого строчек и кадров побольше, фанаты остальных

гнобили и проклинали... Через такие кровавые бури я прошла, так что теперь, когда родители меня пожурят пару раз — это так, морось.

...А она и впрямь оптимистичный и стойкий человек.

Е Синью спросил:

— Столько всего наговорила, а кто же в итоге этот Цзыхань?

Взгляд Сяо Гао обежал кофейню, она подняла руку и указала на маленького толстячка за столиком Хань Сюня...

— Вот он, он и есть Цзыхань!

— Ах ты паршивец, а ну вылезай у меня из-под стола! — Чай Цзюнь с потемневшим лицом грозно вытащил оттуда маленького толстяка.

В их группе было больше двадцати детишек, разделённых по четыре на шесть групп. Чай Цзюнь поначалу думал, что уж вдвоём со взрослым Хань Сюнем они как-нибудь да управятся с этими сорванцами-мартышками, но кто бы мог подумать: стоило чуть зазеваться, как несколько озорных мальчишек залезали под стол и неизвестно что там химичили.

Маленький толстячок по имени Цзыхань явно был у них «главарём». Это он только что вздумал непременно дёрнуть кролика за хвост, а в итоге испугался силы кроличьих челюстей.

Перекормленный — пусть и всего лишь шестиклассник, а вес уже взлетел до ста шестидесяти, стандартный шарик. На ногах пара дорогущих кроссовок, с одного взгляда видно — обожаемый домашними наследный принц.

Хань Сюнь как раз обучал латте-арту детишек за другим столом. Услышав здешний галдёж, он неторопливо подошёл:

— Что случилось?

— А то ты не видишь? Все стоят, одни эти под столом прячутся, и непонятно, что задумали, — раздражённо пожаловался Чай Цзюнь. — Что у тебя за святой нрав такой, ты даже не злишься?

— А чего тут злиться? — парировал Хань Сюнь. — Их одежда всяко чище моего пола, они сами добровольно протирают мне пол, потом меньше убирать.

Чай Цзюнь: «.....»

Пока они разговаривали, толстячок Цзыхань подал своим «сообщникам» знаки рукой, веля что-то спрятать.

Жаль только, что движения у них вышли недостаточно скрытными, и Чай Цзюнь в мгновение ока их застукал.

— Что прячете?! Выкладывайте! — рявкнул он. — Смотрите у меня, нажалуюсь вашей учительнице!

Договорив, Чай Цзюнь и сам почувствовал, до чего это смешно. Ему уже тридцать лет, а самый убойный приём по-прежнему «нажаловаться учителю». И впрямь, чем дольше живёшь, тем моложе становишься.

Впрочем, угроза явно подействовала. «Сообщники» толстячка — один другого пихал, другой первого пихал, и в конце концов всё же нехотя выдали спрятанную за спиной вещь.

Оказалось, ничего и диковинного-то...

.....Тетрадь с ответами к упражнениям.

В выданных школой сборниках страницы с ответами заранее вырывали. А эти ребята неизвестно по каким каналам раздобыли «ускользнувшую из сети рыбку» и, пользуясь сегодняшним внешкольным мероприятием, тайно сговорились, чтобы под столом постранично переснять её на телефон-часы.

Камера у телефона-часов была так себе, экранчик небольшой, и переснятая тетрадь вышла донельзя размытой.

Хань Сюнь полистал эти несколько страниц с ответами, потом глянул на фотографии в их часах:

— Такие мелкие буквы, и то разглядел. Зрение у тебя и впрямь отличное.

— У меня зрение 5.0! — гордо заявил толстячок Цзыхань.

Хань Сюнь скользнул по нему взглядом:

— Малыш, слушай внимательно: я тебя не хвалю.

Хотя и тон, и выражение лица у него были самые спокойные, Цзыхань почему-то ни с того ни с сего ощутил по телу холодок.

Мужчина качнул конфискованной тетрадью в руке:

— Эту штуку, вы ведь не хотите, чтобы я передал учительнице Сяо Гао?

Цзыхань напустил на себя храбрость:

— Учительница Гао не ведёт основной предмет, она над нами не властна!

— А кто тогда над тобой властен? — Хань Сюнь продемонстрировал телефон, ткнул в переписку в родительском чате. — Этот человек — твой отец, верно? Он как раз про тебя спрашивает. Может, я ему перешлю, как ты ответы заныкал?

Цзыхань: «.....» Напускная храбрость разом лопнула.

Хань Сюнь слабо усмехнулся, передал тетрадь Чай Цзюню, дав знак убрать её, а затем снова повернулся к толстенькому мальчишке.

— Я не твой учитель, и мне лень совать нос в чужие дела. Прошу тебя и твою компанию маленьких братцев сегодня смирно-послушно поучаствовать в мероприятии, а после окончания я верну тебе тетрадь... Ах да, ты можешь затаить на меня обиду, но если я обнаружу, что ты нарочно переводишь горячий шоколад... Сколько изведёшь, столько и выпьешь. Понял?

— ...По-понял, — каким бы взрослым Цзыхань ни выглядел, по сути он всё же ребёнок с несозревшим умом, иначе и не сделал бы такую глупость, как списывание ответов лёжа под столом.

Если бы Хань Сюнь выказал гнев или злость, мальчик как раз и не испугался бы. Но тот был сама невозмутимость, и это лишало мальчишку даже возможности отделаться нахальной ухмылкой.

— Вот это послушный ребёнок, — Хань Сюнь удовлетворённо кивнул и тут же указал на свободный стол. — Идите вон туда, поднажмите. Я слышал, Emily из соседней группы уже научилась делать листочек, смотрите не слишком отставайте.

Цзыхань тут же утащил сообщников делать латте-арт, а Хань Сюнь, разрешив эту неприятность, обернулся и как раз наткнулся на сложный взгляд Чай Цзюня.

Хань Сюнь не понял:

— Что такое?

Чай Цзюнь:

— ...Столько тебя знаю, а только сейчас узнал, до чего ты бесстыжий — взял и пригрозил ребёнку.

— Где это я ему пригрозил? — недоумевал Хань Сюнь. — Я ведь столько раз сказал «прошу» и «поднажми», ещё и похвалил их «послушными детьми». Неужели я недостаточно дружелюбно держался?

Чай Цзюнь:

— ...Ого, эта софистика звучит ещё бесстыжее.

Теперь ему стало малость жалко того Цзыханя с его маленькими сообщниками. С таким трудом раздобыли комплект ответов к домашке, и пары страниц переписать не успели, как их конфисковали, а теперь ещё и злой дядя принуждает участвовать в мероприятии...

Ладно, ладно.

Чай Цзюнь подумал, что и сам не без греха. Он же и есть злой дядя номер два, чего из себя посланника справедливости-то корчить.

Полторачасовое мероприятие по латте-арту благополучно завершилось, каждый ушёл с полными руками.

Ученики испытали себя в занятом латте-арте, больше половины успешно вывели смутный узор сердечка. Те, у кого не вышло, тоже не остались внакладе — шоколадное молоко пей сколько влезет бесплатно, а Хань Сюнь ещё заранее припас в придачу зефирки и печенье.

Конспект учительницы Сяо Гао перевернулся ещё на страницу — за всё время ни единой осечки, это была определённо самая необременительная её практическая обществоведческая вылазка.

Родители тоже остались очень довольны: фотографий и видео с мероприятия было превеликое множество, и папы с мамами Цзыханя, Цзыханя, Цзыханя, Цзыханя и Цзыханя — все нашли на снимках свои чада.

Единственным, кто понёс потери, оказались складские запасы кофейни. Сорок детишек — на одно только молоко ушло десять больших бутылей, какао-порошок и шоколадная паста подчистую закончились.

Чэнь Дун, закончив инвентаризацию, несколько смущённо посмотрел на Чай Цзюня:

— Идеолог Чай, запишите все эти потери на мой счёт, вычтите из зарплаты.

Чай Цзюнь хэхэкнул, размашисто махнул рукой:

— Какое там вычесть! Ты думаешь, я открыл это заведение, чтобы деньги зарабатывать? Тогда ты меня сильно недооцениваешь. Денег у меня слишком много, лежат в банке — аж тошно, мне непременно надо любыми способами спалить их все дотла. Так что будь совершенно спокоен, ни в коем случае не считай, будто ты мне чем-то обязан. Жги, жги напропалую, у меня денег много, аж жжёт.

Чэнь Дун:

— ...А?

«Это что, такая причуда у богачей?»

Е Синью, хмурясь, слушал преувеличенные речи Чай Цзюня и мысленно вычел у него последние восемь баллов подчистую.

«...Этот тип попросту больной. Раз и впрямь так хочет жечь деньги — шёл бы лучше к какой-нибудь могиле жечь, там бы они сгорели абсолютно бесследно. Какое это «жечь деньги» — тут не деньги горят, тут у него самого башка горит. »

Стоящий рядом Хань Сюнь сохранял невозмутимое выражение, даже бровью не повёл, словно не понимал, что Чай Цзюнь нарочно над ним подтрунивает.

— Ну всё, — мужчина оборвал их разговор, посмотрел на Чэнь Дуна и напомнил: — Не забивай голову делами заведения, ступай скорее в комнату отдыха переодеться.

Чэнь Дун растерялся:

— Во что переодеться?

— Ты что же, собираешься читать детишкам лекцию в рабочей форме? — улыбка Хань Сюня была нежной, отражалась в самой глубине глаз. — Тот костюм, что ты в прошлый раз оставил в

заведении, я отдал в химчистку и на глажку. Переоденься в него и явись на свою первую писательскую лекцию.

<http://bllate.org/book/17866/1735583>